

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

ПЕРЕНОСЯЩАЯ ЧИТАТЕЛЯ С ЛАЗУРНОГО БЕРЕГА НА АФРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ

1

— Что тебе известно о белых носорогах? — спросила Хизер.

— Насколько я помню, последнего не так давно усыпили где-то в Кении, — ответил Быков. — Старенький был, мучился. Но у него успели взять... э-э... все, что нужно для искусственного оплодотворения. И какая-то самка в американском зоопарке благополучно родила детеныша, так что появилась надежда сохранить вид.

— Подвид, — поправила Хизер. — То, что ты рассказал, касается северного белого носорога. А существует еще южный. И он прекрасно чувствует себя на природе. В том числе в Уганде. Могу тебе показать место, где полно носорогов и других зверей. Поедешь со мной в Африку?

Вопрос был настолько неожиданным, что Быков чуть не поперхнулся кофе.

Они сидели за столиком уличного кафе на бульваре Круазет и поедали один круассан на двоих, запивая его кофе — каждый из своей чашки. Каннский кинофестиваль завершился, но набережная все еще была многолюдна. Дмитрий Быков провел здесь три дня по контракту с журналом «Паблисити», снимая грандиозное звездное шоу.

Праздничного настроения не было. Наоборот, если честно, Быков испытывал лишь подавленность и скуку.

Предложение отправиться в Африку застало его врасплох.

— Наверное, я буду вынужден отказаться, Хизер, — вежливо произнес он. — Я не диких зверей фотографирую, а звезд и всякие мероприятия вроде того, что здесь состоялось. — Он повел рукой, обводя жестом видимую часть Канн. — Белые носороги в эту категорию не попадают. Даже если они южные. У меня другая специализация.

Хизер одарила его ослепительной улыбкой тридцатипятилетней женщины, пользующейся услугами дорогих нью-йоркских дантистов. У нее были не слишком густые соломенные волосы, подрезанные по плечи, острый нос с тонкими ноздрями и веснушки под серыми глазами. Именно веснушки подкупили Быкова. Вернее, не сами они, а тот факт, что Хизер не старалась скрыть их макияжем.

— А у меня другие сведения, Дима, — сказала она. — Признаться, ты заинтересовал меня, и я провела небольшое расследование. Судя по тому, что мне удалось накопать в Интернете, ты семь или восемь последних лет провел в путешествиях по всему миру. И не знаменитостей снимал, а именно дикую природу. У тебя куча отличных работ. И прекрасная репутация. Что делать мужчине с такой биографией в Каннской оранжерее?

— В этом-то все дело, — неохотно признался Быков. — В биографии. Мне сорок пять, и пора что-то менять. Приключения — это, конечно, хорошо. Но на них больше теряешь, чем зарабатываешь. Плюс жизнью рискуешь всякий раз, неизвестно ради чего. С меня хватит.

— Я тебя поняла, — кивнула Хизер. — Благоразумное решение. За селебритис платят больше, чем за животных.

Говоря это, она продолжала улыбаться, но уже без прежнего сияния. В ней что-то выключилось. И от ее улыбки Быкову стало неуютно.

Он познакомился с Хизер Вестман позавчера, на презентации ее нашумевшего документального фильма об Африке. Эта работа вызвала большой международный резонанс, так что премьеру посетил целый сонм всевозможных знаменитостей, столь желанных для объектива Быкова. Хизер сама подошла к нему на фуршете и сказала, что запомнила его по репортажам об экспедиции по следам Магеллана. Так они познакомились, разговорились, ну и (пропуская ночные подробности) очутились в кафе с чашками утреннего кофе в руках.

— Какие у нас планы на сегодня? — спросил Быков, спеша сменить тему разговора.

— Никаких. Я сегодня улетаю, — ответила Хизер уже без улыбки. — Жаль, что ты отказался. Не так уж опасны носороги. Мы, люди, гораздо хуже. Никто не подсчитает, сколько носорогов браконьеры перебили в Африке за два столетия. Спиливали рога, а туши бросали. Какие-то сомнительные лекарства из этих рогов делали. Это был настоящий геноцид!

— Собираешься снять об этом фильм?

— Нет. В Уганде меня ждет удивительная женщина. Она не просто изучает черных горилл, а фактически живет среди них. Зовут ее Стелла, Стелла Сноуден. О ней-то и будет мой следующий фильм.

— Тарзан в юбке? — сострил Быков.

Шутка не удалась.

— Я работаю в жанре нон-фикшн, — сказала Хизер. — Это не игровое кино. Правда жизни. И, кстати, Стелла Сноуден не носит юбок. В обезьяньей стае это было бы опрометчиво.

— Ну да. — Быков кашлянул в кулак. — Конечно.

— Мисс Сноуден и ее помощники живут в заповеднике с богатейшей фауной, — продолжала Хизер. — Целые стада белых носорогов. Гориллы, о которых я уже говорила. И великое множество прочих зверей. Ну? Решайся, Дима. Подумай еще раз. Стоит ли отвергать такую возможность? Лагерь обеспечен всем необходимым, включая собственный джип. Нужно оплатить только дорогу.

— Почему ты настаиваешь, Хизер? Почему тебе важно, чтобы я поехал?

— Мне нужен сопровождающий, Дима. И оператор. И тот, кто поможет мне с оборудованием. И...

Она умолкла.

— Ты не договорила, — заметил Быков. — Кто еще тебе нужен?

— Я думаю, ты догадался, — просто сказала Хизер. — После того, что было ночью.

Быков задумался. По правде говоря, ему совершенно не нравилось фотографировать кинозвезд и прочих представителей шоу-бизнеса. Они были неинтересны ему и не всегда приятны из-за своей манерности и неискренности. Но за фоторепортаж о фестивале ему платили больше, чем, скажем, за полное лишений и опасностей путешествие по Амазонке или плавание через океан. Все в мире работают за деньги. Почему Быков должен быть исключением? Нужно отказаться и улыбнуться Хизер так же холодно и вежливо, как это недавно сделала она. Да, именно так он и поступит!

— Если тебе нужна помощь, ты всегда можешь рассчитывать на меня, — произнес Быков, что стало для него полной неожиданностью, поскольку он намеревался сказать совсем другое.

— Спасибо, — ответила Хизер. — Я знала, что ты согласишься. И тебя ждет приз.

— Какой? — поинтересовался он.

— Вылет не сегодня, а завтра, — ответила она. — Я решила, что нам не помешает провести еще одну ночь в комфортабельных условиях. Выспимся и отдохнем как следует перед путешествием.

Отдохнуть и выспаться не получилось, так что оба на-верстывали упущенное в самолете, проспав почти весь полет.

В Кампале их встретил белозубый темнокожий Кирунда, присланный, чтобы доставить в лагерь. Багажа у Хизер было немало, так что он пришелся кстати, когда Быков выкатил одну за другой две тяжело груженные тележки. Местным грузчикам свое добро Хизер не доверила.

— Только не нужно обвинять меня в расизме, — поспешила предупредить она. — Я бы и в Париже точно так же поступила.

— Но в Каннах багажом занимались грузчики, — напомнил Быков, несколько раздраженный тем, что ему пришлось потеть на жаре.

— Это был опрометчивый поступок, — нашлась Хизер, выдрессированная тиранией толерантности. — Французские грузчики ничем не лучше африканских.

— Разумеется, — смиренно подтвердил Быков.

Он мог бы долго острить по этому поводу, но пожалел подругу и поинтересовался, зачем ей так много вещей. Она объяснила, что везет не только и не столько киноаппаратуру, сколько медикаменты, книги и обучающие материалы, собранные благотворительной организацией для жителей Уганды. Ему стало стыдно. Иронизировать легко. Быть бескорыстным куда труднее.

При выходе из здания аэропорта Хизер преподала ему еще один урок, поздоровавшись с Кирундой так искренне и радушно, как будто действительно считала его равней себе. Причем приветливость американки сочеталась с чувством собственного достоинства, не позволявшего

постороннему человеку переступить невидимые, но жестко установленные границы.

Быков так не умел. Его рукопожатие было скованным, а улыбка несколько натянутой. Дело было не в происхождении или социальном статусе туземца. Просто Быков его совершенно не знал и вел себя сдержанно.

Кирунда был не просто высок, а долговяз, носил короткие шорты и желтую *Mika* с изображением Тарзана, оседлавшего льва. Внешность его была типично негроидной: курчавые волосы, приплюснутый нос, толстые губы, большие сахарные зубы, обнажавшиеся по любому поводу и без такового. С его сложением он мог бы стать выдающимся легкоатлетом.

— Жарко тут у вас, — сказал ему Быков, чтобы завязать разговор.

— Это еще не жара, — заверил его Кирунда, сияя. Африканское приключение началось.

2

Детство и юность Кирунды прошли на севере страны, в маленькой деревушке племени ик, среди земледельцев и охотников, быт которых оставался неизменным на протяжении столетий, а может, и тысячелетий. Ни больниц, ни магазинов, ни школ рядом не было. Жить означало вкалывать с рассвета до заката. Кирунде не было и трех лет от роду, когда его обязанностью стало собирание дров на всю семью. Кто толлок просо, кто мотыжил землю, кто охотился, а малыш таскал на спине вязанки хвороста размером с него самого. Никто этому не удивлялся, никто его не жалел. У всех хватало своих забот, а жалость — никчемное чувство, от которого никому не было легче.

Кирунда привык считать себя взрослым мужчиной еще до того, как пришло время прятать пиписку под набедренной повязкой. В девять лет ему сосватали семилетнюю девочку, семья которой уплатила родителям зерном и солью. Но очень скоро невеста умерла от многодневного поноса, так что Кирунда не успел испытать радости супружеской жизни. Сам он не болел. Хворать было нельзя, потому что лечить больных было некому. Даже когда семейство расщедривалось на дары знахарю, тот чаще всего ограничивался тем, что прогонял заклятиями злых духов, и духи, возможно, разлетались в страхе, но болезнь оставалась и приканчивала тех, к кому прицепилась. Кирунда ни на что не жаловался, даже когда чувствовал себя плохо. Он подозревал, что колдуны сами и насылают болезни, чтобы было потом кого лечить.

Читать и писать он не умел. Все учение в деревне состояло в зубрежке истории своего рода. Образованным считался тот, кто был способен без запинки произнести: «Я сын того-то, мой отец сын того-то, сына того-то, сына...» — и так до тридцатого поколения, а то и дальше. Кирунда знал имена тридцати пяти предков — и гордился этим.

Женщины, которые работали не покладая рук, таскали на себе младенцев и кормили их грудью, в племени не котировались. Кирунда презирал девчонок. С четырех лет его воспитывал дед вместе со старшими братьями и младшими дядьями. По вечерам у очага собирались все мужчины рода, от мала до велика, а женщины крутились в стороне, ожидая, пока им бросят кость или осчастливят какой-нибудь просьбой.

Кирунда относился к матери свысока. Он любил отца и хотел быть похожим на него. Отец работал в городе и редко приезжал домой, но зато, появляясь, привозил гостинцы: конфеты, печенье, фрукты и прочие удивительные кушанья в ярких обертках. Когда Кирунда стал расспрашивать, что

означают надписи на картинках, отец сказал, что мужчинам знать это не обязательно. У отца в городе была белая женщина, с грудями большими и полными, как спелые тыквы, и для этого ему потребовалась не грамота, а деньги.

Кирунда не знал, как зарабатывать деньги. С семи лет он пас сельское стадо, но платили ему едой или позволяли поиметь какую-нибудь вдову, что было, конечно, приятно, но никак не обогащало. Улучив момент, когда отец находился в хорошем расположении духа, Кирунда спросил у него совета.

— Нужно работать на белых или, по крайней мере, находиться рядом с ними, — был ответ.

— А какие они, белые?

— Такие же, как и мы, только цвета не сильно прожаренной просяной лепешки.

— Возьми меня с собой, отец, — взмолился Кирунда. — Я тоже хочу денег и белую женщину с большой грудью.

На следующий день он покинул родную деревню, но время от времени возвращался туда, чтобы покрасоваться в новой одежде и раздать родичам гостинцы, чувствуя себя при этом настоящим королем. У него началась новая жизнь. Очень скоро Кирунда перестал отираться возле отца и бегать по его поручениям, поскольку сам научился зарабатывать и ладить с белыми. Поездив по разным городам, он понял, что конкуренция там слишком велика, и обосновался в Национальном парке королевы Елизаветы. На площади в две тысячи квадратных километров было где развернуться. И туристов там было не меньше, чем в Кампале или Масаке. Сначала Кирунда подрабатывал носильщиком, потом стал проводником, что сочетало первое и второе, а также оказывал множество самых разных услуг.

В заповеднике он прижился, освоился и чувствовал себя там как дома. Экспедиция Стеллы Сноуден наняла его сроком на три года, и это было огромной удачей. Ки-

рунда очутился в том счастливом положении, когда можно было не заботиться о завтрашнем дне.

Гоня армейский джип по знакомому маршруту, он прислушивался к разговору спутников, деливших впечатлениями, и охотно отвечал на вопросы.

Хизер ему очень понравилась. Его всегда привлекали белые женщины со светлыми волосами. Достаточно было мысленно представить свои темные руки на ее коже, чтобы Кирунда пришел в сильнейшее возбуждение. Сдерживая буйные фантазии, парень старался не пялиться на Хизер слишком откровенно, отдавая себе отчет в том, что это может вызвать недовольство ее друга.

Быков производил впечатление сильного мужчины, за добродушием которого скрывалась властная и твердая натура. В нем угадывался характер, который приходилось уважать, хотел этого Кирунда или нет. К тому же это был физически крепкий мужчина. Кирунде все это не нравилось. Он видел в Быкове соперника. Когда Быков обращался к нему, Кирунда улыбался шире обычного, чтобы не выдать своих чувств.

Он охотно рассказывал о себе, о своей жизни и работе под началом мисс Сноуден.

— Почему «мисс», а не «миссис»? — осведомился Быков, уже не в первый раз обративший внимание на эту деталь. Значит ли это, что она... она...

Вместо Кирунды, который мог не понимать таких тонкостей, ответила Хизер:

— Стелла не старая дева, Дима. Она моя ровесница, но пока что не замужем. Это ведь не преступление?

— Нет, конечно нет, — поспешил сказать Быков, коря себя за неуместное любопытство.

Ведь Хизер могла решить, что он слишком живо интересуется ее подругой, хотя на самом деле так оно и было. Уже того, что было известно ему, оказалось достаточно,

чтобы вызвать любопытство. Судя по всему, Стелла Сноуден была весьма незаурядной личностью. То, чем занималась эта женщина, по праву можно было назвать научным подвигом. Она не просто посвятила жизнь изучению горилл, но занималась этим, так сказать, изнутри, находясь среди объектов своего исследования. И это не было желанием привлечь к себе внимание, вызвать сенсацию, а потом продолжать работу в более комфортабельных условиях. Мисс Сноуден избегала огласки. И она намеревалась провести в Африке всю жизнь, ибо целью ее было проследить полный жизненный цикл гориллы, от рождения до смерти, что могло занять лет сорок. Это означало, что исследование самоотверженной женщины завершится не раньше, чем она разменяет седьмой десяток, и такой подход являлся не чем иным, как самым настоящим научным подвигом.

«Наверное, бедняжке не повезло в личной жизни, — решил Быков. — Скорее всего, внешность подвела или какие-нибудь физические недостатки. Может быть, даже пережила личную драму, после которой разуверилась в людях и предпочла общество животных».

Хизер повернула к нему голову, придерживая волосы, развевающиеся на ветру, как маленькое золотистое знамя. Джим был открытый, и в уголках ее глаз успела собраться пыль, что нисколько не портило ее внешность.

— Про Стеллу думаешь? — спросила Хизер. — Пытаешься понять, что загнало ее в эту глушь?

— Ну... — протянул Быков. — Не то чтобы... но... Да, гм...

Его всегда поражала интуиция женщин. Они умели читать мысли и угадывать настроение. Какой-то внутренний радар в них встроено, что ли?

— Стеллой движут не только научный интерес и честолюбие, — сказала Хизер. — Она является основателем Исследовательского центра «Primacy Of Primates»...

«Первенство приматов», — перевел про себя Быков.